

Обращение Райко Жинзифова к поэтическому творчеству Ивана Ивановича Козлова (1779—1840) свидетельствует о весьма важном и систематическом интересе нашего поэта к русской поэзии, особенно к русскому поэтическому творчеству XIX века. Поэзия гражданского романтизма И. И. Козлова, который называет себя певцом „мятежной тоски“, была приемлема для Жинзифова только до известной степени — некоторыми мотивами и образами душевных мук и скорби. В творчестве обоих поэтов — Жинзифова и Козлова — есть некоторые стихотворения с аналогиями типологического характера, но кроме того наблюдаются и известные сходные художественные приемы и формы изображения действительности, выражения отдельных идей и настроений.

Может быть, Жинзифову, когда он писал „Бессоницу“, было известно очень близкое по тематике стихотворение И. И. Козлова „Тоска по родине“.¹ Оно одновременно является вольным подражанием Шатобриану. Поэт „Тоски по родине“ с постоянной любовью помнит о стране родной, где жизнь цвела. В стихотворении тоже встречаем мотив сестры и брата, как в „Бессонице“ Жинзифова. Наш поэт, хотя с публицистической тенденцией в стихах с интонацией интимной лирики и в лирических стихах идет дальше, чем Шатобриан или Козлов. Жинзифов стремится выразить свою любовь к родному краю другим способом — не аханием и воспоминаниями, а с уверенностью в силы народа.²

В том, что Жинзифов действительно знал творчество романтика Козлова, нас убеждает сопоставление стихотворений „Близ реката Вардар“ Жинзифова и „Романс“ („Есть тихая роща у быстрых ключей“) Козлова.³

¹ Козлов, И. И.: *Стихотворения*, Москва 1948, с. 120.

² „Как да забравам то, за кое болеам, / Кое подържват мой живот? / За кое я страдам, пред кое немеам / — Горкиит мой народ?“ С формальной точки зрения это стихотворение Жинзифова похоже на стихи Лорда Байрона, переведенные И. И. Козловым. Ср.: „О, как же сердцу не грустить! / Как высказать печаль, — / Когда от тех, с кем мило жить, / Стремимся в темну даль“ См. Козлов, И. И.: *Указ. соч.*, с. 78.

³ Там же, с. 47.

Последнее является вольным переводом романа английского поэта Томаса Мура (1779—1852)⁴ из его поэмы „Лалла Рук“, широко известной в России в переводе В. А. Жуковского (1821 г.).⁵

„Романс“ И. И. Козлова состоит из четырех восьмистрочных стихов и начинается воспоминаниями о неопределенном крае, где

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуюсь, цветут.

Как видно, стихотворение Козлова написано силлабо-тоническим стихом — четырехстопным амфибрахийем, со смежной мужской рифмой АА ББ. Жинзифов своими стихами хотел передать подобное, но более конкретное своеобразие красоты родного края — высокие горы, зелень широких полей, шумящие „ветром прохладным леса“ и стремительное течение Вардара. Если у Козлова поэт говорит в первом лице и сам восхищается и воодушевляется природой, то в стихотворении Жинзифова поэт обращается к своей любимой. С точки зрения стихосложения, „Близ реката Вардар“ начинается так, как и „Романс“. Первые его четыре строки написаны, в отличие от Козлова, неполной мужской рифмой и соединены смежной рифмой АА ББ. Второе четверостишие у Жинзифова отличается от первого тем, что в первых двух строках имеется женская, а в других мужская рифма, опять-таки в строфическом сочетании АА ББ:

Близ реката Вардар има планина,
При нея поляна, широка она,
А в тая поляна кичеста трава
Да продумат готова с живи слова.

Тамо, о мила, во душа, во гора,
При ветер прохладен, во гълбока зора,
Радостно славей се разбудват от сон,
И сладко и мило песни пеит он.

В стихотворении Жинзифова находим тот же самый силлабо-тонический стих четырехстопного амфибрахия и даже одинаковое количество слогов — оба стихотворения одиннадцатисложные. Этот факт может подкрепить наше утверждение, что автор „Близ реката Вардар“ знал творчество Козлова и в особенности его „Романс“. Это лишний раз подтверждает стремление Жинзифова писать так, как пишут опытные мастера слова. С прекрасным амфибрахийем встречаемся у нашего поэта в стихотворениях „На великден“ („Пасха“) и „Стихотворение“.

⁴ Там же.

⁵ Аникст, А.: *История английской литературы*, Москва 1956, с. 256; см. также Пенев, Б.: *История на новата българска литература*, том 4, част 1, София 1936, с. 652.

У Ивана Ивановича Козлова (или первоначально у Т. Мура) выражены непосредственные эмоционально окрашенные переживания. У Жинзифова это только воспоминания о родном крае, видение в воображении поэта. К таким воспоминаниям о том, „все так ли, как и в прежнем“, тогда, когда он жил на родине, приводит нашего поэта одиночество и суровость русской природы. Самые грустные, наполненные мечтами и страстным желанием стихотворения Жинзифова, к которым относится и стихотворение „Близ реката Вардар“, написаны не в Москве, а в селе Семеновка, где поэт побывал в 1861 году. В Семеновке Жинзифов написал еще стихотворения „Селянка“, „На младенецът А...“, „Жалба“ и „Таен глас“.⁶

К принятой, красивой, идеализированной южной природе переносится поэт в мыслях и приглашает свою любимую:

Тамо, ти мила, дойди при той си рай,
При мене седни и целувка ми дай,
с поглед умилен на мене погледни,
Горки ми сълзи и тага изгони.

Поэту приятно жить идеализированными воспоминаниями в прошлом. Элегическая лирика Шатобриана, Мура и Козлова никак не соответствует общим темам и настроениям собственного поэтического творчества Райко Жинзифова. Из нее он делает какую-то романтическую, наивно пасторальную идиллию. Наш поэт ею только кратковременно наслаждается. Мысль о родном народе всегда преобладает у Жинзифова над его личными воспоминаниями.

---

⁶ Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенев*, Известия на Института за литература на БАН, XVI, София 1965, с. 171. См. также Поленаконик, X.: *Које младенецот А... кому му е посветена песната на Райко Жинзифов „На младенецът А...“?*, „Прилози“ на МАНУ, 1, 1—2, Скопје 1976, с. 35.

